

Перец Ицхок-Лейбуш

Рассказы и сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И96

И96 **Ицхок-Лейбуш П.**
Рассказы и сказки / Перец Ицхок-Лейбуш – М.: Книга по Требованию, 2025. –
242 с.

ISBN 978-5-521-27687-5

ISBN 978-5-521-27687-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И. Л. Перець, современный еврейскій беллетристъ, пользуется широкою извѣстностью у еврейскихъ читателей. Искренность чувства, выпуклость образовъ и живая колоритность разсказа составляютъ отличительную черту большей части его произведеній.

Особенно типичными являются его такъ называемые „Хасидскіе разсказы“, наименѣе поддающіеся переводу на русскій языкъ.

Къ сожалѣнію, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ предлагаемой книги соблюденіе дословной точности перевода оказалось невозможнымъ. Помимо терминовъ талмудическо-раввинистской письменности, употребляемыхъ преимущественно въ иносказательномъ или гиперболическомъ смыслѣ, нерѣдко встрѣчаются выраженія, либо составляющія исключительную принадлежность нарѣчія польскихъ и галиційскихъ евреевъ, либо совершенно забытыя въ современномъ еврейскомъ жаргонѣ.

Невольно погрѣшая противъ дословной точности, переводчики сосредоточили свое вниманіе на сохраненіи общаго тона разсказовъ и ихъ бытовой и художественной сущности.

С. Ф.

Разказы.

Мораль жизни.

Идутъ за городомъ двѣ еврейки: одна—высокая, полная, съ злыми глазами и тяжелой походкой, другая—худая, блѣдная, маленькая, съ опущенной внизъ головой.

— Ханэ, куда ты ведешь меня?—спрашиваетъ послѣдняя.

— Подожди, Грунэ, еще нѣсколько шаговъ, видишь, туда, къ горкѣ.

— Зачѣмъ?—продолжаетъ Грунэ, робко, отрывистымъ голосомъ, какъ бы пугаясь чего-то.

— Узнаешь, идемъ...

Онѣ подошли къ холму.

— Сядь, — говоритъ Ханэ. Грунэ послушно садится, Ханэ возлѣ нея.

И въ тишинѣ теплаго лѣтняго дня, далеко отъ городского шума, начинается отрывистый разговоръ.

— Грунэ, ты знаешь, кто былъ твой мужъ, миръ праху его?

Бѣдное лицо Грунэ покрывается тѣнью.

— Знаю,—отвѣчаетъ она, закусивъ губы.

— Онъ былъ сойферомъ *), Грунэ, благочестивымъ сойферомъ.

— Знаю, — говоритъ нетерпѣливо Грунэ.

— Прежде чѣмъ написать букву, онъ совершалъ омовеніе въ миквѣ **)...

*) Сойферъ занимается писаніемъ свитковъ Завета и филактерій.

**) Бассейнъ для ритуальныхъ омовеній.

— Грубѣйшій вздоръ! Раза два въ недѣлю, правда, онъ ходилъ туда...

— Онъ былъ истиннымъ евреемъ...

— Правда.

— Да будетъ онъ заступникомъ нашимъ.

Грунэ молчитъ.

— Ты молчишь?—удивляется Ханэ.

— Все равно!

— Нѣтъ, не все равно! Пусть онъ—таки заступится за насъ, слышишь?

— Слышу!

— Что скажешь на это?

— Что мнѣ сказать? Я знаю только, что онъ за насъ не заступился...

Пауза. Обѣ женщины понимаютъ другъ друга: благочестивый сойферъ умеръ, оставивъ вдову съ тремя дѣвочками-сиротами. Грунэ вторично замужъ не выходила, не хотѣла дать отчима своимъ дѣтямъ, сама работала на себя и на дѣтей, но удачи ей не было ни въ чемъ... „Онъ не былъ заступникомъ ихъ!..“

— А знаешь, почему?—нарушаетъ Ханэ молчаніе.

— Этъ...

— Потому что ты грѣшна...

— Я?—вскакиваетъ Грунэ, какъ подстрѣленная,—я—грѣшна?

— Слушай, Грунэ, всякій человѣкъ грѣшенъ, а ты и подавно...

— Подавно?..

— Грунэ, не даромъ я тебя повела за городъ къ рѣкѣ, въ поле... вѣдь свѣжаго воздуха намъ, слава Богу, не нужно... Видишь ли, Грунэ... мать и особенно еще вдова благочестиваго сойфера должна...

— Что она должна?

— Должна быть богобоязненнѣ всѣхъ, лучше всѣхъ и внимательнѣ смотрѣть за своими дочерьми...

Блѣдная Грунэ стала еще блѣднѣе. Глаза загорѣлись, ноздри раздулись, и синія, запекшіяся губы задрожали.

— Ханэ!—крикнула она.

— Ты знаешь вѣдь, Грунэ, что я тебѣ вѣрный

другъ, но правду я тебѣ должна сказать, не то мнѣ придется держать отвѣтъ передъ Богомъ... Я сплетничать на тебя не буду, изъ-за меня ты не попадешь людямъ на языкъ, все останется между нами, одинъ только Богъ на небѣ услышитъ.

— Не тани мнѣ душу!

— Такъ слушай же! Коротко и ясно... вчера вечеромъ, поздно вечеромъ, я возвращалась съ вокзала, и на горкѣ сидѣла твоя Мирль...

— Одна?

— Нѣтъ!

— Съ кѣмъ?

— Развѣ я знаю? Шляпа какая-то... цилиндръ даже... Онъ цѣловалъ ее въ шею и затылокъ... Она смѣялась и грызла леденцы...

— Я знаю это!..—отозвалась Грунэ замогильнымъ голосомъ,—это не въ первый разъ...

— Ты знала это? Что? Онъ—женихъ ея?

— Нѣтъ...

— Нѣтъ? и ты... молчала?

— Да.

— Грунэ!

Но теперь Грунэ уже спокойна.

— Теперь молчи ты и слушай, что я тебѣ скажу,—говоритъ она рѣзкимъ голосомъ, схвативъ Ханэ за рукавъ и заставляя ее сѣсть опять.

— Слушай,—продолжаетъ она,—я тебѣ все расскажу, и только одинъ Богъ на небѣ насъ услышитъ!

Ханэ сѣла опять.

— Когда мой мужъ умеръ...—начинаетъ Грунэ.

— Какъ ты это говоришь, Грунэ?

— Какъ же мнѣ говорить?

— Безъ „блаженной памяти“? и нужно вѣдь сказать „преставился“...

— Все равно, преставился, умеръ—его вѣдь закопали...

— Онъ вернулся къ своимъ предкамъ...

— Пусть будетъ такъ... только меня онъ оставилъ съ тремя сиротками-дѣвочками...

- Бѣдный, онъ кадиша *) не оставилъ.
- Трехъ дочерей, старшую...
- Генендель...
- Четырнадцать лѣтъ...
- У многихъ такая дѣвушка уже невѣста...
- У насъ хлѣба не было! не до сватовства было...
- Какъ ты, Грунэ, говоришь сегодня!
- Не я говорю—боль моего сердца говорить...

Генендель, ты знаешь, была самой красивой дѣвушкой въ городѣ...

- И теперь... чтобы не сглазить!

— Теперь она—выжатый лимонъ, дожила до сѣдыхъ волосъ! Но тогда она сіяла, словно солнце... И я была вдовой благочестиваго сойфера, я берегла ее, какъ зѣницу ока своего, я знала, что въ нынѣшнія времена... шляются всякіе музыканты, портные, франтики и старые холостяки... Но на что мать? Дѣвица въ невѣстахъ должна быть чиста, какъ зеркало... И я добила своего, пылинки на нее не упало, я ее берегла, стерегла, глазъ не спускала, ни на мигъ одну изъ дому не выпускала, и все ей нотаціи, мораль читала... не смотри туда, не гляди сюда, не становись тамъ, не ходи туда... не смотри, какъ птички летаютъ...

- Ну, и очень хорошо...

— Замѣчательно хорошо!—сказала Грунэ съ горечью.—Пойди-ка ко мнѣ и посмотри, какъ она теперь выглядить! Да, она дѣйствительно честная дѣвушка, но тридцати шести лѣтъ! Худа, хоть кости пересчитать, кожа сморщена, точно пергаментъ для филатерій, глаза потухшія, лицо кислое, безъ улыбки, губы вѣчно сжатые. Да, часто загораются ея потухшія глаза, но въ нихъ горить тогда ненависть, злоба, точно въ аду... и, знаешь, къ кому? знаешь, кого они ненавидятъ? кого шопотомъ проклинаятъ она?

- Кого?..

— Меня! меня—свою родную мать!..

- Что ты говоришь? за что?

— Она, можетъ, сама не знаетъ за что, но я знаю!

*) Т.-е. сына, читающаго по умершимъ родителямъ заупокойную молитву „кадишь“.

Я стала между нею и міромъ, между нею и солнцемъ! Я не допустила... какъ бы это сказать... тепла и свѣта къ ея тѣлу... Я думала объ этомъ цѣлыя ночи, пока не поняла этого окончательно! Она должна меня ненавидѣть... каждая частица ея тѣла ненавидитъ меня!

— Что ты говоришь!

— Что слышишь. Сестеръ своихъ она навѣрное ненавидитъ, онѣ моложе ея и красивѣе!

Грунэ съ трудомъ переводитъ духъ, а Ханэ не можетъ прійти въ себя... Она слышитъ что-то ужасное, что-то худшее, чѣмъ болѣзнь, чѣмъ смерть, чѣмъ даже „смерть подъ вѣнцомъ“—величайшее несчастье, которое можетъ только постигнуть еврея, и все-таки... Владыко міра, такъ *должно* быть!

— Младшую, Лею, я ужъ дома не держала... я ее отдала въ прислуги...—продолжала Грунэ, и ея голосъ сталъ еще болѣе хриплымъ, еще болѣе отрывистымъ.

— Я тогда достаточно возмущалась,—вспоминаетъ Ханэ,—дочь сойфера въ служанкахъ!

— Мнѣ хотѣлось хотъ ее выдать замужъ, пусть хотъ у нея будетъ немного приданого; отъ моей торговли лукомъ приданого не соберешь... И за ней я тоже смотрѣла... Не одинъ хозяинъ умильно поглядывалъ на нее, не одинъ хозяйскій сынокъ хотѣлъ сдѣлать изъ нея игрушку для себя... но я вѣдь мать! И я была преданной матерью! У меня ноги подкашивались, а я десять разъ въ день бѣгала къ ней на кухню, плакала, падала въ обморокъ, мораль читала ей, хорошія, благочестивыя рѣчи говорила... Я цѣлыя ночи не спала, „Кавъ-Гаіошоръ“ и другія священные книги читала, а по утрамъ бѣгала къ ней пересказывать прочитанное... и свое еще добавлять! Да проститъ мнѣ Богъ, изъ трехъ чертей я дѣлала десять, одинъ ударъ розгой я въ „сквозь строй“ превращала, огнемъ на нее дышала... И она была кроткой, честной дочерью, она позволяла руководить собой... Кромѣ глазъ, она—вылитый отецъ, блѣдная, безъ кровинки, и такіе добрые, влажные глаза, но она была красивѣе...

— Ты говоришь о ней, какъ объ умершей, упаси Богъ!..

— А ты думаешь, что она живетъ? Я тебѣ говорю, что она не живетъ! Она накопила приданого, а мужа дала ей я! Она, бѣдняжка, плакала, не хотѣла она его, онъ слишкомъ грубъ, простъ для нея. Но вѣдь ученый не женится на прислугѣ, да еще при 30 рубляхъ приданого! Я благодарила Бога и за это—портной, такъ портной! Ну, такъ онъ жилъ съ ней годъ, отнялъ у нея деньги, здоровье, послѣднія силы и бѣжалъ... Онъ оставилъ ее нагой и босой, только... съ больными легкими! Она харкаетъ кровью! Она ужъ тѣнь, а не человѣкъ... Она ласкается ко мнѣ, какъ маленькій ребенокъ, ложится возлѣ меня, какъ овечка... и цѣлая, цѣлая ночи плачетъ... И знаешь ты, на кого она плачется?

— На мужа своего, да сотрется память о немъ!

— Нѣтъ, Ханэ, на меня она плачется, на меня! Я ее сдѣлала несчастной! Ея слезы падаютъ мнѣ на сердце, какъ расплавленный свинецъ, онѣ меня отравляютъ, эти слезы...

Она опять замолкаетъ, едва переводя дыханіе.

— Итакъ?

— Итакъ? Такъ я себѣ сказала: достаточно! Пусть ужъ моя третья дочь живетъ, живетъ такъ, какъ ей хочется... Она работаетъ на фабрикѣ, работаетъ 16 часовъ въ сутки, едва зарабатываетъ на сухой хлѣбъ... Ей хочется леденцовъ, пусть ѣстъ ихъ! Ей хочется смѣяться, баловаться, цѣловаться,—пусть! Ты слышишь, Ханэ, пусть! Я ей лакомствъ дать не могу, мужа подавно... Выжатый лимонъ изъ нея сдѣлать—я не хочу, дать ей чахотку—нѣтъ, нѣтъ! Пусть ужъ моя дочь не ненавидитъ меня, не плачется на меня!..

— Но, Грунэ,—кричитъ Ханэ въ испугъ,—что скажутъ люди?

— Пусть люди прежде всего имѣютъ состраданіе къ бѣднымъ сиротамъ, пусть не помыкаютъ ими, какъ ослами, задаромъ! Пусть у людей будутъ человѣческія сердца, и пусть не держатъ они бѣдныхъ для выжиманія изъ нихъ соковъ, какъ изъ лимоновъ...

— А Богъ! Богъ, да будетъ благословенно Его имя?

И Грунэ подымается и кричитъ, какъ будто желая, чтобъ ее услышалъ Богъ въ небесахъ: